

СНТ
Попадос

Ольга Ривн

ПЫШКА,

♥ яблоки и новый сосед

Развод на грядках ♥

Ольга Риви

Пышка, яблоки и новый сосед

<https://litres.ru/74644853>

SelfPub; 2026

Аннотация

У каждой женщины свой способ борьбы со стрессом. Я, например, застукав мужа с лучшей подругой, открыла в себе талант к метанию берёзового полена. Муж в кустах, подруга в простыне, а я — на пороге новой жизни.

Но судьба решила, что одного полена мало, и подкинула мне соседа.

Артём. Бывший майор и просто невыносимый тип. Он заявил, что мой забор крадет у него целых пятнадцать сантиметров земли. Пятнадцать сантиметров! Я бы сказала ему, куда он может их себе... передвинуть, но у него на каждое моё слово — регламент, а на каждый мой взгляд — ледяное спокойствие.

Он хочет войны по правилам? Он её получит. Но пусть знает: у этой «пышки» в запасе не целая поленница, но и характер, который не влезет ни в одни его рамки.

В тексте вас ждут:

- Героиня с формами и стальным характером
- Герой — суровый «силовик» в отставке
- Противостояние от ненависти до... очень горячего полива
- Юмор, дачный колорит и капелька мести

- Хэппи-энд (но за него придётся побороться!)

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Пышка, яблоки и новый сосед

Глава

Глава 1. Пятнадцать сантиметров справедливости

Вечер в нашем СНТ «Звёздный» обычно проходил у всех одинаково.

Нормальные люди сидели на верандах, пили чай с мятой, или что-то по -крепче и обсуждали, почему у Петровых кабачков выросли размером с младенца. Кто-то боролся с сорняками, кто-то с похмельем. А у нас спонтанно открылись дачные Олимпийские игры.

В программе было две дисциплины.

Первая: прыжки через забор в исполнении моего мужа.

Вторая: метание берёзового полена в исполнении меня.

Вообще-то я приехала на сутки раньше, чтобы сделать сюрприз. Привезла редкие специи для своих крафтовых чипсов, бутылку дорогого вина и надежду на романтику. Но вместо романтики обнаружила в нашей спальне Лариску. Мою лучшую подругу. Теперь уже бывшую, разумеется.

Лариса лежала на моих простынях из египетского хлопка и пыталась прикинуться ветошью. Получалось плохо. Ветошь обычно не визжит и не хлопает нарощенными ресницами, как испуганная моль.

Сергей, мой пока ещё законный муж, застыл в дверях.

— Вера, это не то, что ты подумала! — выдал он самую неоригинальную фразу в истории человечества.

Я посмотрела на него, потом на Ларису и внутри что-то дёрнулось и хрустнуло. Это было не сердце, оно у меня закалённое бизнесом и налогами. Это хрустнули остатки моего терпения.

— Серёж, если это не то, что я подумала, то ты просто очень странно проверяешь прочность матраса, — ответила я. Голос звучал на удивление спокойно.

Сергей оценил мой взгляд и решил, что окно — это отличный выход. Он всегда был сторонником простых решений. Мой муж, который годами ныл, что у него болят суставы, сиганул со второго этажа, прямо в кусты.

Лариса попыталась завернуться в простыню.

— Верочка, не надо сцен...

— Иди вон, Лариса. Пока я не решила, что твоя причёска слишком симметричная и у тебя много волос.

Я вышла на крыльцо. Сергей как раз карабкался через забор к соседям. Его паника была такой искренней, что мне даже стало смешно. Но рука сама потянулась к поленнице.

Берёзовое полено легло в ладонь как родное. Тяжёлое, на-

дёжное. И я прицелилась.

— С днём физкультурника, любимый! — крикнула я и запустила снаряд.

Полено догнало его уже на заборе. Удар пришёлся по спине. Сергей издал звук, похожий на писк резиновой уточки, перевалился на ту сторону и исчез в лопухах. Жаль, не в голову попала. Хотя там всё равно пусто, только эхо бы по всему СНТ разнеслось.

Лариса просочилась мимо меня, кутаясь в простыню как римский сенатор-неудачник. Она рванула через кусты сирени, оставляя на ветках ключья дорогого хлопка и остатки своего достоинства.

Я села на порог. Мои руки мелко дрожали, а в голове крутилась только одна мысль: «Простыню жалко. Хорошая была, плотная».

— Женщина, вы в курсе, что это было нападение?

Я вздрогнула и подняла голову. Над забором, который только что штурмовал мой муж, возвышался мужчина.

Высокий, плечистый, с лицом человека, который привык отдавать приказы и не привык, когда их обсуждают. На нём были модные джинсы и футболка, которая явно намекала, что он свои формы не на огороде накачал. А взгляд у него был холодный и оценивающий. Зуб даю, что он не местный.

— Это была самооборона от идиотизма, — буркнула я, поправляя халат. — Вы кто?

— Ваш новый сосед, Артём. И у меня к вам деловое пред-

ложение.

— Если вы хотите предложить мне купить пылесос или вступить в секту, то сегодня неудачный день. У меня поленница ещё полная.

Артём даже не улыбнулся и достал из кармана какой-то листок.

— Согласно кадастровому плану и проведённому межеванию, ваш забор занимает пятнадцать сантиметров моей территории.

— Что там у вас 15 сантиметров? - переспросила я, пытаюсь унять дрожь во всём теле, после погони за своим благоверным. - Верней, что вы хотите от меня, со своими пятнадцатью сантиметрами?

— Я говорю, ваш забор стоит на моей территории, нужно на 15 см сдвинуть к вам, — повторил Артём, как для тупых.

Я моргнула. Посмотрела на него, потом на забор, потом снова на него.

— Вы сейчас серьёзно? У меня муж только что через этот забор в космос улетел, подруга в простыне по лесам бежит, а вы мне про свои пятнадцать сантиметров?

Мужчина потупил взор, а потом взял себя в руки.

— Личные драмы не отменяют границ участка, — отрезал он. — Председатель СНТ подписал предписание. У вас есть семьдесят два часа, чтобы сдвинуть ограждение.

Я встала. Ярость, которая только что начала утихать, вспыхнула с новой силой.

— Артём, кажется? Послушайте, Артём. У меня сегодня рухнула жизнь, бизнес требует отгрузки чипсов, а в спальне пахнет дешёвыми духами Лариски. И меньше всего на свете меня волнуют ваши сантиметры.

Он прищурился.

— Это принципиальный вопрос, порядок должен быть во всём.

— Порядок? Хотите порядок? — я шагнула к забору.

Этот штaketник и так держался на соплях и добром слове. Я размахнулась и со всей силы ударила ногой по секции. Гнилые доски хрустнули и завалились на его сторону, подняв облако пыли.

— Вот! — я тяжело дышала. — Забирайте свои сантиметры! Можете их даже приватизировать и поставить там памятник своему занудству.

Артём посмотрел на обломки забора у своих ног. Его лицо оставалось непроницаемым, но в глазах мелькнуло удивление.

— Вы ненормальная? — спокойно спросил он.

— Я Вероника, женщина с характером и отличным прицелом. Я не терплю, когда на меня давят. И если вы ещё раз скажете слово «межевание», я проверю, насколько крепкий у вас череп.

— Истеричка, — констатировал он.

— Спасибо за комплимент. Это лучшее, что я слышала за сегодня.

Я развернулась и ушла в дом, громко хлопнув дверью.

Внутри было пусто. Я зашла в спальню, сорвала опоганенное постельное бельё и выкинула его в окно, пусть Лариска подбирает, ей нужнее.

Ночь прошла в каком-то лихорадочном сне. Мне снились рулетки, поленья и холодные глаза соседа. Утром СНТ уже гудело. Баба Зина с пятого участка, местное министерство связи, уже разнесла весть: Вера прибила мужа, выгнала любовницу голышом и теперь воюет с новым красавчиком-соседом.

Через пару дней я вышла в сад. Нужно было как-то жить дальше. Бизнес по продаже семян и крафтовых чипсов сам себя не поведёт.

Артём был на своём участке. Он не просто мерил землю, он начал глобальную стройку. Дом бабы Маши, который он купил, теперь окружали леса. Рабочие сновали туда-сюда, а сам сосед в рабочих перчатках руководил процессом.

Я подошла к временной сетке, которую вчера поставил мой знакомый мастер Михалыч.

— Ну что, Граф Пятнадцать Сантиметров, как успехи? — крикнула я.

Артём обернулся. На солнце его плечи блестели от пота. Выглядел он, признаться, чертовски хорошо. Если бы он не

был таким занудой, я бы, может, и засмотрелась.

— Забор стоит ровно, — ответил он, подходя ближе. — Хотя ваш мастер пытался меня убедить, что кривизна — это авторский стиль.

— Михалыч — художник, он так видит.

— Михалыч — лентяй. Но я его переубедил.

Я представила, как Артём «переубеждает» Михалыча, и мне стало жалко мастера. У того язык острый, но против этого ледяного танка не попрёшь.

— Слушайте, Вероника, — Артём замолчал, подбирая слова. — Я слышал, ваш муж пытается вернуться.

Я напряглась.

— Откуда новости? Баба Зина донесла?

— Она очень громко обсуждает это по телефону, стоя у моего забора. Говорит, он приползёт на коленях с букетом.

— Пусть ползёт. У меня как раз навоз привезли, будет где припарковаться.

Артём вдруг усмехнулся, и эта улыбка полностью изменила его лицо. Оно стало живым, дерзким и пугающе привлекательным.

— Вы колючая, — заметил он.

— Жизнь такая. Если не отрастишь колючки, тебя быстро съедят и не поперхнутся.

— Согласен. Но иногда колючки мешают разглядеть что-то важное.

Я хотела съязвить, но не успела. К калитке с визгом под-

катила машина Сергея.

Из неё вылез мой «герой» с помятым видом и веником из облезлых роз. Он выглядел так, будто все эти дни провёл в запое или в очень глубокой депрессии. Скорее всего, второе, деньги-то у меня остались.

— Вера! — заорал он, спотыкаясь о кочку. — Вера, прости! Это было помутнение!

Я посмотрела на Артёма. Тот стоял, скрестив руки на груди, и внимательно наблюдал за сценой.

— Ну что, сосед, — прошептала я. — Хотели порядок? Извините, но сейчас будет шоу.

Сергей уже подбежал к сетке.

— Верочка, я всё осознал! Лариса — змея, она меня соблазнила!

— Серёж, — я мило улыбнулась. — У тебя на ботинке всё ещё прилип лепесток моей гортензии. Уходи, пока я не вспомнила, где лежит второе полено.

— Вера, ну не будь ты такой...

Он замолчал, заметив Артёма. Сергей окинул соседа взглядом и оценил масштаб фигуры.

— А это ещё кто? — в голосе мужа прорезалась ревность. — Ты уже замену нашла? Так быстро?

Артём сделал уверенный шаг вперёд.

— Я — владелец участка, на которых вы сейчас стоите, — произнёс он своим фирменным ледяным тоном. — И я очень не люблю, когда на моей территории мусорят.

Сергей открыл рот, закрыл его, посмотрел на меня, потом на Артёма.

— Вера, мы ещё поговорим! — крикнул он, пятась к машине.

— Только через адвоката, родной! И розы свои в навозную кучу выкини, им там самое место!

Машина Сергея рванула с места, обдав нас пылью.

Я выдохнула. Злость ушла, оставив после себя странную пустоту.

— Спасибо, — сказала я, не глядя на соседа.

— За что? Я просто охранял свои границы.

— И за это тоже.

Артём посмотрел на меня как-то иначе. Без тени превосходства.

— Знаете, Вероника... У вас действительно очень вкусные чипсы. Баба Зина угостила.

Я рассмеялась.

— Ну всё, теперь я точно знаю, кто в этом СНТ главный торговый агент. Да, а за моими вяленными помидорами очередь стоит, на год вперёд.

Я повернулась и пошла к дому, чувствуя на спине его взгляд. Кажется, тихая дачная жизнь отменялась, но я впервые за долгое время не была против.

А полено я всё-таки припрячу, на всякий случай.

Глава 2. Экономика выживания или кто-то в себя по-

Утро после семейного апокалипсиса началось с петуха.

У нас в СНТ «Звёздный» петухов официально не было. Председатель считал их источником шума и раннего инсульта у дачников. Но у бабы Зины на пятом участке жил какой-то подпольный крикун. Каждое утро он орал так, будто лично предупреждал всех вокруг, что ребята, сегодня будет ещё хуже.

В этот раз я была с ним согласна. Конец света наступил вчера.

Муж изменил. Лучшая подруга оказалась не подругой, а женщиной с очень гибкой моралью. Новый сосед потребовал отдать часть земли. А я? А я вместо того, чтобы лежать лицом в подушку и красиво страдать, проснулась с мыслью: «Где у меня договор с поставщиком упаковки?»

Вот что делает с женщиной малый бизнес. Ты можешь быть предана, унижена и раздавлена, но если у тебя завтра отгрузка семян базилика «Фиолетовый принц» и партии чипсов с копчёной паприкой, страдать придётся по графику, желательно после обеда.

Я встала, умылась ледяной водой и посмотрела в зеркало.

Из него на меня глядела женщина тридцати четырёх лет с опухшими глазами и лицом человека, который вчера метнул берёзовое полено в мужа и, честно говоря, ни капли не раскаялся.

— Доброе утро, Вероника, — сказала я своему отражению. — Ты всё ещё жива. И это уже неплохо.

Я натянула домашнее платье, которое отлично подчёркивало мой пятьдесят второй размер. Раньше я переживала из-за фигуры, но сейчас подумала: «Зато полено летит точнее, когда в руках есть сила». Завязала волосы в пучок и пошла на кухню.

Открыла окна, достала противни и включила дегидратор. Мои крафтовые чипсы сами себя не сделают. Я нарезала тонкими ломтиками свёклу и батат. Бизнес — это магия. Только вместо волшебной палочки у тебя налоговая, поставщики и таблица в Excel.

Я как раз посыпала первую партию смесью соли и розмарина, когда во дворе раздался знакомый звук машины Сергея.

— Ну конечно, — пробормотала я. — Куда же без утреннего некроманта. Мёртвые отношения сами себя не поднимут.

Сергей вошёл на участок без звонка, как к себе домой. Вот только «к себе» закончилось вчера, когда его спина познакомилась с берёзовой древесиной. Он выглядел плохо. Волосы торчали, рубашка мятая, в руках снова букет роз.

— Вера, — начал он своим «виноватым» голосом. — Нам надо поговорить.

Я вышла на крыльцо, вытирая руки о полотенце.

— Серёж, ты не поверишь, но я уже слышала эту фразу.

Обычно после неё люди либо разводятся, либо заводят собаку. Собаку я не хочу. Развод мне больше подходит.

Он поморщился.

— Ну зачем ты так? Мы столько лет вместе.

— Да. И вчера ты решил отметить это юбилеем в теле моей подруги.

— Это была ошибка! Я был пьян. Она сама пришла, ты же знаешь Ларису.

— Теперь знаю лучше, чем хотелось бы.

Сергей сделал шаг ближе, пытаясь включить обаяние.

— Вера, ну не руби с плеча. Давай остынем, поговорим, я вернусь домой...

Я подняла руку, останавливая этот поток бреда.

— Стоп. Домой? Ты сейчас серьёзно?

— Это и мой дом тоже! По закону...

— Серёж, твой дом сейчас там, где тебя не догнало второе полено, так что вали обратно, к Лариске.

Он сжал губы. Его «раскаяние» съехало, как дешёвая маска.

— Да кому ты вообще нужна будешь с таким характером?
— выплюнул он. — Ты на себя посмотри, тебя же разнесло. Раньше хоть фигурой брала, а теперь... Тётка с мешком картошки.

Я медленно выпрямилась. Внутри стало холодно, но спокойно.

— Договаривай, — сказала я тихо.

Сергей осмелел.

— Что договаривать? Ты располнела, Вера. Перестала за собой следить. Женщина должна быть хрупкой, а ты...

— Не хрупкая? — спросила я. — Не та дура, которая два месяца ухаживала за тобой, когда ты валялся с соплями и стонал, что умираешь? Мы с тобой вместе подцепили этот чёртов грипп, только вылежался, а на ногах носилась, спасая тебя, но температура у меня была такая ж. Только ты потом резвым кабанчиком побегал жить свою лучшую жизнь, а несколько лет из больницы не вылазила, пытаюсь починить свой сломанный гормональный фон! Да, я ношу пятьдесят второй размер. И мне в нём удобнее, чем тебе в твоей совети. Свободен.

Он покраснел от злости.

— Не строй из себя святую!

— Не строю. Я женщина, которая вчера попала поленом тебе по хребту, а сегодня всё ещё считает, что мало взяла.

На соседнем участке что-то глухо стукнуло. Я повернула голову.

Артём стоял у своего идеально ровного забора с кружкой в руке. Вид у него был такой, будто он просто вышел подышать воздухом. Но я была уверена, что этот зануда слышал каждое слово. У таких людей слух заточен на чужие скандалы.

Сергей тоже заметил соседа.

— А этот опять тут? — процедил он. — Что, уже защит-

ника нашла?

Артём спокойно сделал глоток из кружки.

— Я на своём участке и делаю, что хочу, — сказал он ровным, холодным голосом. — В отличие от некоторых посторонних лиц.

Сергей дёрнулся, но под взглядом Артёма как-то сразу сдужся.

— Вера, мы ещё поговорим!

— В следующий раз присылай своего адвоката, не позорься, — отрезала я. — И забери свои веники.

Он схватил букет, развернулся и пошёл к машине. По дороге он споткнулся о тяпку и едва не улетел в кусты малины. Было бы смешно, если бы не было так противно.

Я проводила его взглядом и вздохнула.

— Господи, и с этим человеком я планировала старость.

— У всех бывают ошибки в стратегическом планировании, — донеслось от забора.

Я повернулась к Артёму.

— Вы теперь штатный комментатор моей жизни?

— Нет. Просто свидетель слабой логики.

— Уходите, Артём. У меня сегодня сложный день. Ваши шуточки тут будут неуместны.

Он чуть приподнял бровь, но промолчал. Я ушла в дом. Работа всегда меня спасала. Я включила музыку, разложила противни, подписала пакеты для семян. Мой дом наполнился приятными ароматами чеснока, томатов и укропа. Это

был мой мир. Не идеальный, не вылизанный, но мой.

Я открыла ноутбук и составила план. Первое: сменить па-
роли. Второе: написать юристу. Третье: заказать новое бельё.
Четвёртое: не убить соседа до пятницы. Четвёртый пункт я
выделила красным, для мотивации.

К обеду я уже чувствовала себя почти человеком. Но тут
начался второй акт цирка.

Вода в кране пропала.

Я открыла кран у теплицы и постучала по трубе. Тишина.
— Только не это, — прошипела я.

Я пошла к общему крану у границы участков. И, конечно,
увидела там Артёма.

Он стоял рядом с новой системой труб и датчиков. Всё
блестело, как кабина истребителя. На его участке уже вра-
щались автоматические поливалки, орошая ровный газон, а
мой сад в это время тихо умирал от жажды.

— Артём, — позвала я слишком ласково. — Почему у
меня нет воды?

— Я временно перекрыл общий узел, — ответил он,
не оборачиваясь. — Устанавливаю систему автоматического
контроля давления.

Я моргнула.

— Временно — это сколько?

— Часа три. Возможно, четыре. Нужно откалибровать
датчики.

Я посмотрела на свои грядки. Солнце жарило так, будто

решило отомстить мне за все грехи человечества.

— Вы перекрыли общий кран в разгар дня без предупреждения?

— Я оценил нагрузку, — он наконец повернулся. — Давление было нестабильным, нужно до настроить систему.

— Ваша система, Артём, сейчас требует святой воды и изгнания бесов. Потому что мои растения без полива загнутся. У меня там нежная рассада, на минуточку

Он спокойно вытер руки тряпкой.

— Можно полить позже. Вечером, например.

Я медленно вдохнула. Где-то рядом лежала лопата, а я уже поняла, что у меня талант к метанию предметов.

— Артём, вы ведь любите регламенты?

— Предпочитаю порядок.

— Отлично, тогда слушайте порядок. Общий кран — это имущество СНТ. Самовольное ограничение доступа к нему — это нарушение. У меня бизнес, Артём. Если у меня погибнет партия редкого базилика, я выставлю вам счёт.

Он посмотрел на меня внимательнее.

— Бизнес? На даче?

— Да. Я продаю семена и делаю специи. У меня договоры и сроки. Хотите проверить?

Он молчал. Я видела, как у него в голове щёлкают шестерёнки. Эмоций ноль, но логика у него работала железно.

— Вы могли просто попросить открыть воду, — сказал он наконец.

— А вы могли просто не быть занудой и предупредить. Видите, сколько у нас возможностей для общения?

Он чуть прищурился.

— Вы всегда так разговариваете?

— Только с мужчинами, которые портят мне жизнь.

Артём подошёл к узлу и повернул вентиль, в трубе зашумело. Я открыла свой кран, и вода весело брызнула на мои грядки. Я хотела сказать «спасибо», но вовремя вспомнила, что я гордая женщина.

— В следующий раз предупреждайте, — бросила я.

— В следующий раз согласуем график, — ответил он.

— Смотрите-ка. Цивилизация проснулась.

Уголок его губ дёрнулся, он ехидно улыбнулся. И это меня раздражало. Потому что улыбаться ему шло слишком хорошо, а мне сейчас красивые зануды были противопоказаны.

— Вероника, — сказал он вдруг. — Вы действительно всё это сами ведёте?

— Нет, по ночам прилетает фея малого бизнеса и ругается с налоговой. Конечно, сама.

Он оценивающе посмотрел на мой участок и снова улыбнулся. Вот гад!

— Понятно, — произнёс он.

— Что понятно?

— Что вы не просто бросаетесь поленьями. А у вас, вопреки всему, хоть что-то разложено по полочкам, в голове.

Он снова улыбнулся, а я скрестила руки на груди.

— Только не надо смотреть на меня как на новый вид насекомого.

— Я смотрю на достойного противника, Вероника. Это разные вещи.

Почему-то от этих слов стало тепло. Совсем чуть-чуть. Я отвернулась к шлангу.

— Противника, значит? Ну ладно, человек-линейка. Запомните: я свои границы теперь межую быстро. Землю, воду и людей. Особенно людей.

Артём молчал несколько секунд, а потом кивнул.

— Принято, Вероника. Будем считать, что граница установлена.

Глава 3. Биологическое оружие

На третий день после того, как мой брак торжественно скончался и был вынесен вперёд ногами, я поняла важную вещь: если женщина не рыдает, не пьёт и не обрывает телефон бывшему — значит, она что-то сажает и у неё даже страдания по расписанию.

Я сажала свой огород.

С чувством, с расстановкой и с лёгким привкусом мести на губах. Для меня, мой огород — это идеальное место, чтобы закопать прошлое и вырастить на его костях что-нибудь вызывающе красивое.

После нашей стычки из-за «пятнадцати сантиметров» Ар-

тём — он же Человек-Линейка, он же ходячий устав садового товарищества решил, что расставил все точки над «і». Наивный. Мужчины вечно путают забор с границами дозволенного. Поставил сетку — и думает, что мир под контролем. Но в нашем СНТ даже сорняки знают, что границы понятие философское. Сегодня у тебя стерильный газон, а завтра подул ветер, прилетели мои одуванчики, и вот ты уже стоишь с тяпкой, проклиная мироздание.

Я пересматривать свои планы не собиралась. Я собиралась заняться садовой дипломатией на уровне международного скандала.

На столе передо мной лежали пакетики котовника, шалфея, лаванды, монарда и фацелии. И вишенка на торте, какая-то термоядерная смесь от клиентки из Краснодара. В записке значилось: *«Пчёлы за неё дерутся насмерть»*.

— Идеально, — прошептала я, поправляя вырез халата.

Нашей, новообразовавшейся семейки «Звиздуновых», в лице Лариски и Сергея не было видно на горизонте, значит у меня остался только один раздражитель. В окно было видно Артёма. Он замер на своём участке в серой футболке, которая так обтягивала его плечи, что становилось ясно: этот мужчина явно нетолько уставы читает, но и штангу в свободное время воспитывает. Его газон был выстрижен оскорбительно ровно. Трава, кажется, боялась расти без его личного приказа. Даже ведро у сарая стояло строго параллельно стене, будто его выставили в караул.

Скука, дорогая, мужская скука.

Я натянула перчатки, схватила совок и направилась к «линии фронта».

Михалыч недавно поставил между нами новый забор. Ровный, как пульс покойника. Артём лично принимал работу, расхаживая с уровнем и таким лицом, будто от угла наклона сетки зависела ядерная безопасность страны.

— Вера, — шепнул мне Михалыч после работы, прихлебывая чай. — Ты мне скажи, он кто? Спецназ? Коллектор?

— Хуже, Михалыч, — вздохнула я. — Педант в завязке. Я начала посадку.

— Это тебе, Артёмушка, для душевного равновесия, — бормотала я, внося семена котовника в землю. — Кошки от него дуреют. Посмотрим, как твой внутренний майор выдержит кошачьи оргии под окнами.

Следом пошла лаванда, для эстетики, чтобы страдал красиво. И, наконец, фацелия. Спецназ медоносного мира.

К обеду вдоль забора у меня образовалась не просто клумба, а полоса психологического отчуждения. Я полила всё это дело, вытерла пот со лба и довольно улыбнулась.

— Верочка, а ты чего это там хоронишь? — раздался за спиной вкрадчивый голос.

Баба Зина. Местное министерство информации и сплетен. Стоит в панаме с ромашками, а у самой глаза блестят хитро.

— Цветы, баба Зина.

— Цветы — это хорошо, — кивнула она. — После развода полезно. Только обычно их дарят, а не в землю зарывают с таким лицом, будто это труп Сергея.

— Сергей для меня теперь ценное удобрение. В метафорическом смысле, — отрезала я.

— Понимаю, — баба Зина понизила голос. — Значит, против соседа воюем? Экологическое оружие?

— Баба Зина, я просто за разнообразие и красоту на своём участке.

— Ну-ну. Я — могила, ты же знаешь. Не рычи на меня, Верочка.

Знаю я. Могила с громкоговорителем.

Результаты попёрли через неделю. Мои «диверсанты» дружно вылезли из земли. Воздух у забора стал густым, пряным, а медовый аромат разносился по всему моему участку. А потом пришли пчёлы. Сначала разведка, потом — основные силы. Они гудели так деловито, что я даже зауважала их. У насекомых всё просто — есть цветок, есть цель. Никаких измен с Ларисами.

И вот появился он.

Артём вышел из дома с чашкой кофе. Белая футболка, тёмные брюки и взгляд хищника на отдыхе. Он замер. Посмотрел на газон, потом на забор перевёл свой взгляд на меня.

Я сидела на корточках, изображая бурную деятельность по прополке одуванчиков.

Он медленно подошёл к сетке.

— Вероника.

— Артём! — я лучезарно улыбнулась, поправляя выбившийся локон. — Как ваше давление? Гидравлическое? Ну, и моральное тоже?

— Почему вдоль границы высажены медоносы? — голос у него был как у судьи, зачитывающего приговор.

— На моей территории, Артём. Пятнадцать сантиметров свободы, помните? Решила облагородить.

— У меня на участке рой пчёл.

— Поздравляю. Ваш участок наконец-то узнал, что такое интим, пусть и пчелиный.

Артём сжал челюсти так, что желваки заходили под кожей.

— Я не люблю насекомых. Это нарушение санитарной обстановки.

— Санитарного чего? — я рассмеялась, поднимаясь и отряхивая руки. — Артём, вы сейчас про пчёл или про восстание машин? Они просто собирают нектар. Не раздражайте их, и они вас не тронут.

— То есть вы намекаете, что у меня с ними много общего? — он сделал шаг к забору.

От него пахло кофе, хорошим парфюмом, прям набор опасного мужчины. Тем самым запахом, который заставляет женщин совершать глупости.

— Я прямо говорю: не злите тех, кто может больно ужалить.

— Это соседский терроризм, — констатировал он, глядя мне прямо в глаза.

— Ой, не льстите мне. Это просто садоводство.

— Ваш участок настоящий хаос.

— Мой участок живой. А ваша «порядок» — это просто страх, что что-то выйдет из-под контроля.

Артём замолчал. В его глазах что-то изменилось. Холодная маска на секунду треснула, и я увидела... усталость? Будто он слишком долго держал оборону в пустой крепости.

— Я вызову специалиста, — наконец сказал он.

— Психолога? — участливо уточнила я.

— Энтомолога.

— Ну да, логично. К психологу вам ещё рано, хотя направление я могу выписать. Берёзовым поленом.

Он прищурился.

— Вы всегда так агрессивно защищаетесь шутками?

Я замерла. Потому что его удар был точным.

— Я не защищаюсь.

— Конечно. Вы используете иронию как броню, не любите быть уязвимой и превращаете стресс в действие. Я составил ваш профиль ещё в первый день.

— Ого. И как? Меткая, стрессоустойчивая, владею Excel и метанием дров?

Уголок его рта дёрнулся, он почти улыбнулся, но я уловила, как кон пытается сдерживать себя. И это было хуже всего, когда этот айсберг начинал таять, он становился чертовски привлекательным.

В этот момент пчела, привлечённая, видимо, его неподвижностью, села ему прямо на плечо. Артём задеревенел.

— Вы что... боитесь? — я моргнула.

— Нет.

— Вы дышать перестали. Артём, это пчела, а не киллер.

— Уберите её, — выдавил он.

Я не выдержала, и мой смех вырвался сам собой.

— Боже, суровый майор боится маленькой мухи с полосками!

— У меня аллергия, Вероника.

Смех застрял в горле.

— Что? Почему сразу не сказали?

— Вы были заняты самолюбованием.

Я тут же шагнула к сетке.

— Не дёргайтесь и замрите.

Я осторожно просунула руку сквозь ячейки забора. Мои пальцы оказались совсем рядом с его шеей. Кожа у него была тёплая, а пульс под моими пальцами частил. Я аккуратно смахнула пчелу травинкой.

— Всё. Террорист улетел, можешь расслабиться.

Артём посмотрел на меня. Так близко, что я видела тёмные крапинки в его зрачках.

— Спасибо, — сказал он тихо.

И от этого нормального, человеческого «спасибо» мне стало жарко.

— Не за что. Но если аллергия, то цветы я пересажу. Но только половину.

— Почему не все?

— Потому что я вредная, но не убийца.
Он снова почти улыбнулся.

— Знаете, здесь раньше у бабы Маши яблоня росла, — сказала я, чтобы сбить это странное напряжение. — Мы под

ней чай пили.

— Знаю. Она была моей бабушкой.

Я застыла. Баба Маша? Наша шумная, добрая баба Маша, которая пекла лучшие пироги в СНТ и называла председателя «козлом в кепке»? У бабы Маши даже собака носила две клички, по настроению хозяйки, пёс по кличке Садист, но для своих просто Садик. И этот ледяной монумент — её внук?

— Я хотел привести всё в порядок, — Артём посмотрел на свой идеальный газон. — Яблоня была старая, могла упасть.

— Понятно. Только вместе с гнилыми ветками вы, кажется, выкорчевали и душу этого места.

— Я не очень умею играть в «уют», — признался он неожиданно искренне.

Мне стало не по себе. Воевать с занудой легко. Но видеть в нём человека, который просто построил себе крепость, чтобы больше не болело... это было опасно.

— В общем так, — я бодро отступила. — Пчёлы переезжают на метр вглубь. А вы держите антигистаминные под рукой. Искусственное дыхание занудам я делаю только по предварительной записи.

— А знакомым? — в его глазах снова мелькнула искра.

— Знакомым — очередь после помидоров.

Я развернулась и пошла к дому, чувствуя его взгляд на своей спине.

Кажется, моя диверсия дала побочный эффект. Я строила свою крепость из смеха и колючек, а он из бетона и правил. Но забор между нами внезапно перестал казаться надёжной защитой.

Вопрос только в том, кто из нас первым рискнёт открыть калитку. И не окажется ли это новой, самой масштабной катастрофой в моей жизни.

Глава 4. Смузи из петрушки

После истории с пчёлами я поняла две вещи.

Первая: месть должна быть тщательно спланирована, иначе вместо триумфа получишь распухший нос или реальный уголовный срок.

Вторая: если суровый мужчина с повадками спецназовца признаётся, что ничего не смыслит в уюте, нужно срочно бежать работать. Потому что фантазия уже начала рисовать картины, от которых щеки горели ярче спелого томата. А мне сейчас «всякое» было противопоказано. У меня развод, бизнес и бывший муж, который, кажется, решил пробить дно окончательно.

Поэтому я выбрала самый проверенный антидепрессант.

Труд.

К одиннадцати утра моя терраса превратилась в командный пункт. На столе — горы пакетиков с семенами, баночки с секретными специями и ноутбук, в котором таблица продаж выглядела стройнее, чем я в корсете. В углу блокнота красовался мой личный «План по захвату мира и выживанию в СНТ»:

Развестись официально (пока не прибила).

Не прибить Сергея (хотя в сарае отличная новая лопата).

Поднять продажи чипсов на 30% (людям нужно больше полезных углеводов, чтобы заедать стресс).

Перестать пялиться на Артёма, когда он снимает майку.

Пункт 4 — вычеркнуть, я же не слепая.

Я вздохнула, поправила полы изумрудного шёлкового халата, Сергей всегда ныл, что он «слишком дорогой для грядок», и всыпала в миску порцию сушёного чеснока.

— Ты — бизнес-леди, Вероника, — пробормотала я под нос. — Ты пережила кризис 2014-го и нашествие тли. Какой-то изменщик тебя не сломает.

В саду пахло мятой и нагретой землёй. Это была моя личная идиллия. Но тут калитка скрипнула так противно, будто её смазали чистым высокомерием. Я подняла голову и замерла с пакетиком чили в руках.

На дорожке стоял Сергей. А рядом, вцепившись в его локоть Лариса.

Даже мои семена, кажется, притихли от такой наглости.

Сергей был в той самой голубой рубашке, которую он забрал из дома. Вид у него был помятый, глаза бегали, а в руках он сжимал пухлую папку. Лариса же выглядела так, будто перепутала дачный посёлок с подиумом в Милане. Розовый топ цвета «вырви глаз», белые брюки в обтяжку и боножки на шпильках. По нашим дорожкам в таком можно передвигаться только методом левитации.

— Верочка, привет, — пропела она, кривясь от запаха чеснока.

Я медленно положила специи на стол.

— Ларисочка. Какими судьбами? Я думала, ты после того забега в простыне всё ещё лечишь крапивницу на филейных частях.

Сергей кашлянул, краснея до корней волос.

— Вера, мы пришли поговорить, как цивилизованные люди.

— «Мы»? — я выгнула бровь. — Ты теперь без группы поддержки даже в туалет не ходишь? Боишься, что забор упадёт?

Лариса демонстративно оглядела террасу, брезгливо коснувшись пальчиком перил.

— Тут у тебя... специфично. Очень много грязи и... овощей.

— Это называется огород, дорогая. Здесь всё настоящее, в отличие от твоих ресниц.

— Вера! — Сергей сделал шаг вперёд. — Давай без это-

го твоего яда. Мы пришли обсудить раздел имущества. По-хорошему.

— «По-хорошему» — это когда ты уходишь в закат в том, в чём мать родила? — я мило улыбнулась. — Кстати, лопата в сарае почти новая. Могу одолжить, если решишь сразу самозахорониться. Сэкономим на ритуальных услугах.

Сергей побледнел, а Лариса поджала губы.

— Присаживайтесь, — вдруг предложила я, указывая на плетёные кресла. — Чаю не предложу, но у меня есть авторский детокс-коктейль. Лариса, ты же любишь всё натуральное?

— Ой, да, — оживилась она, усаживаясь на самый край. — Я как раз на очищении.

— Заметно. Изнутри явно много лишнего просится наружу.

Я ушла на кухню. В блендер полетела петрушка. Очень много петрушки. Стебли сельдерея, горький огурец и секретный ингредиент — двойная порция спирулины, которая пахнет как дно застоявшегося пруда. Жужжание мотора звучало как песня возмездия.

Когда я вынесла два стакана с густой, подозрительно зелёной жижей, Сергей посмотрел на напиток с опаской.

— Пейте, — подбодрила я. — Это мой новый проект «Зелёная ярость». Очень бодрит совесть.

Лариса сделала глоток. Её лицо прошло все стадии от вежливого любопытства до глубокого ужаса. Она сглотнула так

тяжело, будто проглотила живую жабу.

— Очень... необычно, — выдавила она, пытаясь не икнуть.

— Это вкус честности, — кивнула я, прихлёбывая свой нормальный кофе. — Ну, Серёж, выкладывай, что там в твоей папке? Список моих грехов или твои хотелки?

Сергей выложил на стол бумаги.

— Бизнес, Вера. Мы строили его вместе. Я считаю, что имею право на половину доли.

Я чуть не подавилась.

— «Вместе»? Это когда ты полгода выбирал цвет логотипа, а потом уехал на рыбалку, потому что «устал от ответственности»?

— Я был твоим вдохновителем! — пафосно заявил он.

— Ты был моим главным расходом, — отрезала я. — Посмотри документы, родной. ИП на мне. Лицензии на мне. Договоры с фермерами подписаны моей рукой. А твоя подпись стоит только в ведомости на получение карманных денег.

Лариса вмешалась, потирая живот. Кажется, петрушка начала действовать.

— Но по закону всё, что нажито в браке...

— По закону, Ларочка, бизнес открыт на деньги от продажи квартиры моей бабушки. У меня есть все выписки. Так что Сергею достанется только половину стоимости той самой голубой рубашки. И то, если я не вычту из неё стоимость

стирального порошка за пять лет.

Сергей вскочил.

— Ты не можешь так со мной поступить!

— Я? Это ты поступил, когда решил, что наша спальня — это проходной двор.

В этот момент Лариса внезапно позеленела в тон коктейлю.

— Серёжа... мне кажется, нам пора, — прошептала она, прижимая руку к горлу.

— Что, детокс пошёл быстрее, чем ожидалось? — я сочувственно покачала головой. — Это очищение кармы, не сопротивляйся.

Они рванули к калитке. Лариса на своих шпильках напоминала раненого кузнечика. На полпути её каблук предсказуемо вонзился в мягкий газон.

— Чёрт! Мои «Джимми Чу»! — взвизгнула она, пытаясь вытащить ногу.

— Осторожнее, — крикнула я вслед. — Земля не принимает чужеродные объекты!

Сергей пытался ей помочь, но в итоге они оба едва не рухнули в кусты крыжовника. Зрелище было достойное премии «Оскар» в номинации «Лучшая комедия положений».

Когда за ними наконец захлопнулась калитка, я выдохнула. В груди было пусто, но как-то очень чисто. Я собрала грязные стаканы и увидела у забора Артёма.

Он стоял, прислонившись к столбу, и в его глазах плясали

смешинки.

— Рецепт коктейля не дадите? — спросил он низким голосом. — Для особо навязчивых гостей.

— Слишком дорого обойдётся, — я подошла к краю террасы. — Давно подсматриваете?

— Наслаждаюсь финальным актом. Вы эффектно их... прогнали.

Я грустно усмехнулась.

— Иногда кажется, что я просто злая баба с пучком петрушки.

Артём подошёл ближе и между нами был только невысокий забор.

— Вы не злая, Вероника. Вы просто защищаете свою территорию. И делаете это очень красиво.

Он замолчал, глядя мне прямо в глаза. Я вдруг поняла, что стою в халате, с растрёпанными волосами и пахну чесноком, но под его взглядом чувствовала себя королевой.

— Если этот... вдохновитель... вернётся, — Артём чуть нахмурился, — просто крикните. Я как раз хотел проверить, как работает новый забор.

— Справлюсь, — буркнула я, хотя внутри всё сладко сжалось.

— Не сомневаюсь. Но с группой прикрытия как-то спокойнее, верно?

Он коротко кивнул и ушёл, оставив меня наедине с запахом мяты и бешеным стуком сердца. Кажется, мой «План вы-

живания» требовал срочной корректировки. Пункт про Артёма явно перемещался на первое место. И, кажется, без всяких вопросов.

Глава 5. Линия фронта

Если женщина после развода выглядит спокойной, пьёт кофе на террасе и улыбается цветам, не верьте. Скорее всего, она либо уже всё решила, либо мысленно выбирает, в каком углу сада лучше прикопать остатки мужского эго.

Я, например, с утра была почти ангелом. Сидела на крыльце в любимом шёлковом халате цвета спелого авокадо, который удачно подчёркивал всё, что мой бывший муж называл «излишками», а я — «золотым фондом». Солнце лениво ползло по моему саду. Базилик пах приятно, томаты краснели нахально, а мята снова пыталась захватить грядку с укропом. Обычная жизнь в СНТ «Звёздный»: если ты не следишь за границами, тебя оккупирует либо зелень, либо соседские куры.

В этом смысле мы с мятой были похожи. Я тоже теперь собиралась занимать ровно столько места, сколько мне нужно. И плевать, что там думает общественное мнение в лице бабы Зины, которая смотрела в мой забор больше, чем камера наружного наблюдения.

Кофе был крепкий, утро тихое, а в блокноте красовался новый пункт: «Не ввязываться в конфликты до обеда». Но

у Вселенной на мой счёт всегда были свои планы, причём с элементами чёрного юмора.

У калитки затормозила старая «Нива» председателя, а следом за ней — лощёный чёрный внедорожник Артёма. Я медленно подняла глаза к небу.

— Ну конечно, — прошептала я в чашку. — Вселенная, ты пункт про обед пропустила? Или у тебя часы отстают?

Из первой машины вылез Виктор Павлович. Наш председатель — человек, который за десять лет службы научился спать с открытыми глазами на собраниях и виртуозно игнорировать жалобы на воровство кабачков. Артём вышел следом. В серой футболке, которая облегала его плечи так плотно, что это должно было быть незаконно. В руках папка, на лице — выражение «я пришёл спасти мир от произвола, начнём с вашего забора».

Граф «Пятнадцать сантиметров» прибыл на войну. С документами и очень серьёзным видом.

— Доброе утро, Вероника, — произнёс он своим фирменным голосом, от которого у меня по коже пробежали мурашки. К сожалению, не от страха.

— Смотря для кого, — я сделала максимально равнодушный глоток кофе. — Если вы пришли продавать мне веру в светлое будущее или очередные пятнадцать сантиметров, то я ещё не в том состоянии, чтобы совершать покупки.

Председатель тяжело вздохнул и вытер пот со лба старым платком.

— Вероника Сергеевна, давайте без ваших этих... шуточек. У нас тут официальное мероприятие.

— Виктор Павлович, мы в СНТ. Тут официальнее только похороны, и то если покойник не успел переписать участок на кота.

Артём чуть прищурился. Его глаза за стёклами модных очков смотрели холодно, но где-то в глубине я заметила искру раздражения. Обожаю доводить педантов до белого каления. Это мой любимый вид развлечения.

— Мы пришли закрыть вопрос с границей, — сказал Артём, раскрывая папку. — У меня есть кадастровый план, предписание и результаты замеров. Забор должен стоять вот здесь.

Он указал пальцем в сторону моей любимой клумбы.

— «Мы»? — я перевела взгляд с него на председателя. — Какая слаженная работа. Название для вашей группы уже придумали? «Охотники за сантиметрами»? Или «Двое против одной пышки»?

Виктор Павлович кашлянул, явно пытаясь подавить смешок. Артём остался невозмутим. Он вообще был похож на статую, которую кто-то по ошибке одел в дорогую одежду и научил пользоваться рулеткой.

— Вероника, я понимаю, что вы привыкли превращать всё в балаган, — начал он, делая шаг к моему крыльцу. — Но закон есть закон. Старый забор стоит неправильно.

— Артём Игоревич, забор стоит так, как его поставил Ми-

халыч после литра домашней наливки. Это не ошибка, это авторское видение пространства.

— Михалыч — строитель, а не художник-абстракционист, — отрезал Артём. — Давайте пройдем к меже.

Я встала. Халат красиво шуршал, обтекая бедра. Я специально не стала переодеваться в рабочие штаны. Если уж ко мне приходят с официальным визитом в такую рань, пусть любуются домашней роскошью и мучаются от когнитивного диссонанса.

Босиком я прошла по траве к спорному участку. Артём шёл следом, и я почти физически чувствовала его взгляд на своей спине. На другой стороне забора он встал прямо, как на параде.

— Итак, — Артём разложил бумаги на капоте «Нивы». — Вот линия по документам, а вот ваш забор. Разница — пятнадцать сантиметров.

— Вы так это произносите, будто это размер вашего личного Эвереста, — заметила я, облачиваясь на столб. — Неужели эти крохи стоят того, чтобы портить всем настроение?

— Это вопрос принципа и порядка.

— У мужчин вообще странная тяга делать трагедию из-за нехватки нескольких сантиметров. У вас какие-то комплексы?

Председатель снова закашлялся, на этот раз так сильно, что покраснел. Артём посмотрел на меня так, будто мыслен-

но уже выписывал мне штраф за оскорбление личности при исполнении.

— Вероника, хватит, — его голос стал тише и жёстче. — Забор нужно перенести. Сегодня же.

— О, — я улыбнулась самой своей сладкой улыбкой. — Я бы с радостью. Но есть один маленький нюанс. Виктор Павлович, вы же помните постановление номер восемь от прошлого года?

Председатель нахмурился, пытаясь выудить из памяти хоть что-то, кроме меню на обед.

— Какое ещё постановление?

— О защите ценных зелёных насаждений на территории СНТ. То самое, которое приняли после того, как Смирновы спилили ту берёзу, на которой держался весь интернет в нашем секторе.

Артём медленно поднял бровь.

— И при чём тут это?

Я указала рукой на полосу земли вдоль забора.

— А при том. Вот здесь у меня растёт шалфей дубравный. Дальше — редкая сортовая облепиха. А вот этот кустик, Артём Игоревич, — это лаванда «Манстед». Я её везла из питомника, тряслась над ней, как над родным ребёнком. По закону, если перенос забора угрожает жизни многолетних насаждений, внесённых в реестр, требуется заключение специальной комиссии.

Виктор Павлович округлил глаза.

— Вероника Сергеевна, какой ещё реестр? Мы его в глаза не видели.

— А я видела. И даже помогла вам его составить, когда вы в прошлом июне просили меня «написать что-нибудь умное для отчёта». Вы же его подписали, не глядя.

Председатель побледнел. Он явно вспомнил тот день и свою привычку подписывать любые бумажки, лишь бы от него отстали.

Артём смотрел на меня очень внимательно. Кажется, в его идеально выстроенном мире только что произошёл коллапс.

— Вы хотите сказать, — медленно проговорил он, — что я должен ждать какую-то комиссию из-за куста травы?

— Это не трава, это лаванда. И да, комиссия. В составе председателя и двух членов правления. Бабы Зины и её сестры Валентины.

При упоминании бабы Зины Артём заметно вздрогнул. Все в СНТ знали, что эта женщина способна допросить даже телеграфный столб и выбить из него признание в шпионаже.

— Это издевательство, — процедил Артём.

— Это закон, — парировала я. — Вы же сами его так любите. Почувствуйте вкус регламента, Артём Игоревич. Он немного отдаёт лавандой.

Виктор Павлович замахал руками.

— Так, всё. Раз такое дело, я не могу разрешить снос забора. Нужно заседание. Объявляю временный мораторий.

— Мораторий? — Артём посмотрел на председателя так,

будто тот только что признался в любви к инопланетянам.

— Да, до субботы. Артём Игоревич, не кипятитесь. У нас тут не стройка века, подождём.

Председатель быстро запрыгнул в машину, явно радуясь возможности сбежать с поля боя. «Нива» взревела и укатила, оставив нас вдвоём у забора.

Мы молчали. Пчёлы гудели над моей «защитной» лавандой. Где-то вдалеке баба Зина кричала своему коту, что он «предатель и бабник».

— Вы опасная женщина, Вероника, — наконец произнёс Артём.

— Я просто люблю свой сад, — ответила я, не отводя глаз. — И не люблю, когда ко мне приходят с претензиями. Видите ли, Артём!

— Игоревич, — добавил Артём.

— Хорошо, будь по-вашему, Артём Игоревич, — спокойно отмахнулась я от него. — Мой сад это единственное, что мне осталось в этой несправедливой жизни и я буду держаться за него и гонять всех, кто будет пытаться меня обидеть! — последнее я прям сквозь зубы процедила, что этот человек-линейка прочувствовал, что для значит вся эта грызня.

Но он стоял на своём, гад.

— Вы ведь всё это подстроили. Знали, что я приду с бумагами.

— У меня бизнес, Артём. Я привыкла просчитывать риски на три шага вперёд. А вы — мой самый большой риск за

последнее время.

Он вдруг усмехнулся.

— Значит, суббота? — спросил он, опираясь рукой о столб.

— Суббота. В десять утра. Наденьте что-нибудь приличное, баба Зина ненавидит неряшливых ответчиков.

— Ответчиков? Я думал, я здесь истец.

— В моём саду, Артём, вы пока что просто подозреваемый в покушении на мою землю, за которой я так старательно ухаживала.

Я развернулась и пошла к дому, чувствуя спиной его тяжёлый, обжигающий взгляд. У самой двери я обернулась.

— И ещё, Артём!

— Да?

— Если решите ночью переставить забор втихаря, то помните, не далеко стоит улей и у меня под окном склад тяжёлых поленьев. Я в темноте не промахиваюсь.

Он ничего не ответил, только покачал головой. А я зашла в дом и прислонилась к двери, чувствуя, как сердце колотится где-то в горле. Пятнадцать сантиметров земли внезапно превратились в линию фронта, за которой начиналось что-то гораздо более опасное, чем судебный иск.

Кажется, эта война обещала быть долгой, и я впервые в жизни не хотела, чтобы она заканчивалась слишком быстро.

Глава 6. Лесная разведка или попала, так попала

После заседания по лаванде, которое ещё даже не началось, но уже выпило все мои нервы, я решила сбежать в лес. Путь они там сами разбираются со своими заборами и межей. Тем более, Артём... Игоревич, даже не явился.

Лес я любила всегда. Представьте, если жить в месте, где воздух напитан ароматом мха, общаться с белками, питаться одними грибами и вообще не видеть мужчин. Особенно тех, кто сначала изменяет, потом орёт, требует разделить мой бизнес, а потом ещё и заявляется на соседний участок мужик, в футболках, которые неприлично круто сидят на плечах.

Нет уж, лучше лес. Если там что-то ядовитое, оно хотя бы не пытается оправдаться фразой: «Вера, это не то, что ты подумала» или «Вера ты располнела и поэтому сама виновата, что я посмотрел на соседку».

Я взяла корзину, нож, старую куртку и попёрла к калитке заднего двора. Тропинка блестела после дождя, листья липли к резиновым сапогам, а воздух был такой свежий, будто его только что достали из морозилки и не успели испортить людьми.

В нашем СНТ лес начинался сразу за заброшенным участком деда Василия. Дед давно уехал к дочери, всё заросло крапивой, и местные дети начали пугать друг друга, что там по ночам бродит привидение председателя. Только привидение было живое, просто очень уставшее от всех нас.

Я углубилась в сосны и наконец-то выдохнула.

Вот оно, наконец-то тишина. Меня окружали только мох, папоротники и я, женщина с корзиной и стойким желанием закопать своё прошлое где-нибудь под старой берёзой.

Грибы пошли сразу, в этом году богатый урожай нам дарил лес, что не может не радовать.

— Вот вы молодцы, — сказала я грибам. — Сидите вместе, никому не изменяете, в чужие простыни не лезете и заборы не двигаете.

Я присела на корточки и начала аккуратно собирать грибы. В этом была какая-то своя магия, которая дарила умиротворение. Наклонилась, нашла, срезала, положила. Всё просто и понятно. Не то что брак, где пять лет вкладываешь душу, деньги и всё прощаешь, а на выходе получаешь мужа в кустах гортензии.

Корзина быстро наполнялась. Я даже начала напевать какую-то дурацкую песню из рекламы майонеза, как вдруг за спиной хрустнула ветка.

Я замерла, ведь в кустах кто-то был. Сердце подпрыгнуло к горлу и решило там поселиться.

— Если это кабан, — прошептала я, сжимая нож, — сразу предупреждаю: я невкусная. Характер тяжёлый, не переварит.

Кусты снова шевельнулись. Я сделала шаг назад, наступила на мокрый корень, поскользнулась и с размаху врезалась во что-то очень твёрдое... И тёплое.

— Осторожнее, — раздался над ухом знакомый голос.

Я подняла голову. За моей спиной стоял Артём.

Конечно. Потому что, если судьба хочет довести женщину до нервного тика, она не присылает кабана. Она присылает соседа, который справлялся с этой задачей лучше.

Он стоял передо мной в тёмной куртке и тактических брюках. Ботинки такие, что ими можно штурмовать не только лес, но и небольшой административный центр. За плечом рюкзак, на поясе фонарик, а в руке какая-то палка, похожая на дубинку. Но уточнять я не стала.

— Вы что, на войну собрались? — спросила я, отступая.

— Или грибы у нас теперь вооружённое формирование?

Артём медленно оглядел меня с головы до ног. Корзина, резиновые сапоги, куртка с пятном от черники.

— Я проверяю территорию.

— Территорию? Артём, это лес. Он проверяется сам последние сто лет и как-то справляется.

— После дождя здесь могут быть промоины, упавшие ветки, змеи.

А потом он посмотрел на мою корзину.

— Вы собираете опята?

— Нет, коллекционирую лесную мебель. Конечно, опята!

Артём наклонился, взял из корзины один гриб и прищурился.

— Это не опёнок.

Я медленно моргнула.

— Простите?

— Это ложный опёнок. Пластинки желтоватые, кольцо выражено слабо. Есть риск отравления.

Я уставилась на него. Вот умеет же человек. Другой мужчина встретил бы женщину в лесу и сказал: «Ой, как вы красиво смотрите среди папоротника». Или хотя бы: «Не заблудились?» А этот сразу начал проверять мою корзину, как таможенник чемодан с колбасой.

— Артём, — сказала я очень спокойно. — Я грибы собираю с восьми лет, меня баба Маша учила, твоя бабушка, между прочим.

При упоминании его бабушки он чуть изменился в лице, но быстро вернул себе каменное выражение.

— Баба Маша могла ошибаться.

— Баба Маша могла одним взглядом заставить председателя перекрасить все лавочки у клуба. Она не ошибалась.

— Авторитет не отменяет факты.

— А факты не отменяют того, что вы зануда даже среди ёлок.

Он снова посмотрел на гриб.

— Я просто предупреждаю.

— Нет, вы пытаетесь контролировать даже мою корзину. У вас, случайно, нет приложения для учёта чужих грибов? «МайорГриб. Версия тревожная».

Уголок его губ едва заметно дрогнул.

— Вы всегда так реагируете на заботу?

Я открыла рот и тут же закрыла. Вот же гад. Слово выбрал такое, что сразу не ударишь. Забота, красивое слово. После Сергея, у которого забота выглядела как «Вера, погладь мне рубашку, я опаздываю», я к таким словам относилась с подозрением.

— Забота — это когда предлагают помощь, — отрезала я. — А не когда с лицом прокурора обвиняют мои грибы в покушении на убийство.

— Хорошо. Предлагаю помощь. Давайте я покажу, какие лучше не брать.

— А давайте вы будете собирать свои правильные грибы, а я — свои неправильные. И все умрут счастливыми. Ну, или только я, если вы правы.

— Чёрный юмор вам идёт.

— Спасибо. Он помогает мне не сойти с ума.

Мы пошли рядом, хотя я этого не планировала. Просто тропинка стала узкой, а Артём шагал так уверенно, будто лес заранее сдал ему маршрут в двух экземплярах.

Он показывал грибы, я спорила. Он объяснял, я закатывала глаза.

— Вот этот брать нельзя, — сказал он, присев у старого пня.

— Почему?

— Слишком старый. Может накапливать токсины.

— Как мой бывший муж.

— Ваш бывший муж, судя по поведению, токсины не на-

капливает. Он их распространяет.

Я фыркнула.

— Смотрите-ка, у майора есть чувство юмора.

— Оно у меня в резерве. Для чрезвычайных ситуаций.

— А я что, чрезвычайная ситуация?

Он посмотрел на меня так внимательно, что я вдруг забыла, что хотела ответить.

— Вы? — переспросил он. — Скорее, стихийное бедствие с хорошей реакцией.

Мы замолчали. Лес вокруг стал гуще, папоротники поднимались почти до пояса, а ветки цеплялись за рукава. Где-то стучал дятел, будто отбивал ритм моему сердцу, которое почему-то ускорилося.

Артём остановился у небольшой поляны.

— Вот здесь хорошие белые бывают.

— Откуда знаете?

— Моя бабушка водила меня сюда в детстве.

Я посмотрела на него. Он стоял чуть в стороне, глядя на старую берёзу. Лицо стало другим. Не холодным и не строгим, просто мягким, будто бы он окунулся в свои воспоминания и ему это нравилось.

— Вы часто у неё бывали? — спросила я тише.

— Летом. Когда родители работали. Здесь было спокойно.

— А сейчас?

Он не сразу ответил.

— Сейчас я пытаюсь вернуть это ощущение.

Одна фраза без пафоса. Но мне вдруг стало понятно, почему он так вылизывает свой участок. Почему меряет заборы, ставит системы полива, выравнивает газон до идеала. Он не просто наводит порядок. Он пытается собрать что-то внутри себя. Как я собираю грибы, только у него корзина, видимо, давно прохудилась.

Я хотела сказать что-нибудь мягкое. Правда хотела. Но мой язык, который в критические моменты живёт отдельной вредной жизнью, выдал:

— Значит, поэтому вы устроили у себя на участке филиал военной части с газоном?

Артём посмотрел на меня секунда и рассмеялся.

— Вы невозможная, Вероника.

— Зато нескучная.

— Это точно.

Он наклонился к земле.

— Смотрите, вот белый.

Я тоже наклонилась одновременно с ним и наши плечи соприкоснулись. Совсем немного, но меня будто током ударило. Артём замер и его рука оказалась рядом с моей. Он осторожно взял мою кисть и отвёл её от корешка.

— Не туда. Срезать нужно здесь, — сказал он тихо.

Я подняла глаза, он был слишком близко. Так близко, что я увидела мелкую каплю дождя на его реснице. И внезапно стало неважно, где тут белый гриб, где ложный опёнок и почему я вообще пришла в лес.

— Артём, — сказала я хрипло, — если вы сейчас начнёте лекцию про грибницу, я вас ударю корзиной.

Он не отпустил мою руку.

— Тогда не начну.

Воздух между нами стал густым и горячим, несмотря на прохладу. И тут где-то рядом гроыхнуло, я резко дёрнулась.

— Это что было?

Артём мгновенно выпрямился, как пружина.

— Ветер или ветка упала.

Но следующая секунда доказала, что это была не ветка. С неба рухнула стена дождя. Словно кто-то наверху перевернул бочку и сказал: «Получайте, грешники».

— Да чтоб тебя! — взвизгнула я, прижимая корзину к груди.

— Сюда! — Артём схватил меня за руку и потянул за собой.

— Куда?

— Там старый охотничий навес.

— У нас есть охотничий навес?

— Был.

— Прекрасно! Обожаю укрываться в руинах с почти неизвестными мужчинами!

— Мы знакомы, не драматизируй.

Мы бежали по мокрой тропе. Я поскальзывалась, ругалась, один раз чуть не потеряла сапог, но Артём держал креп-

ко.

Навес оказался скорее тремя досками и старой крышей. Но от дождя частично прикрывал. Если стоять очень близко.

Мы втиснулись внутрь, оба мокрые и запыхавшиеся. Моя куртка прилипла к телу, волосы выбились из пучка и лезли в глаза. Артём стоял напротив, почти касаясь меня грудью. От него пахло дождём и лесом.

— Отличная разведка, — пробормотала я, пытаюсь отдышаться.

Артём посмотрел на меня. И поднял руку, убирая мокрую прядь с моего лица. Пальцы скользнули по щеке и я перестала дышать.

— Вероника, — сказал он тихо. Без этого своего командного тона.

Просто моё имя. И от него у меня по спине пробежали мурашки.

— Что? — выдохнула я.

Он смотрел мне в глаза.

— Вы вся дрожите.

Я нервно усмехнулась.

— Это от холода. Не обольщайтесь, майор.

Он наклонился чуть ближе.

— А если не от холода?

Я сглотнула. За стеной лил дождь, шумел лес. Корзина с грибами стояла у моих ног, как немой свидетель того, что я окончательно влипла. Потому что сбежать было некуда.

Артём был слишком близко. И его голос впервые дал трещину, когда он произнёс:

— Тогда скажите мне остановиться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.